

Слуги из поместья Цуй выстроились ровными рядами во всей комнате, восстанавливая в памяти события той ночи. В окрестных горах Чуньтаньчэна нечисть водилась редко: городские мастера-оружейники, создав очередную диковинку для изгнания демонов, тут же отправлялись испытывать её за город. Со временем нечисть там вывели практически под корень. Поэтому, когда из чащи неожиданно выскочила призрачная марионетка в красном, слуги обомлели. Не понимая, как такой редкий экземпляр умудрился уцелеть и остаться незамеченным, они поспешно окружили её и послали за Цзинь Хуном.

— К тому моменту она была тяжело ранена и металась в панике, не разбирая дороги, — произнёс Цзинь Хун. — Я сразил её, используя талисман Сюаньня, и вернулся.

Цзинь Цанкэ молчал. Он, разумеется, не считал своего сына виноватым. Напротив, за усердие в фехтовании того следовало лишь похвалить. Однако четверо учеников из академии Чанцэ рассудили здраво: если поселок Ути придет в упадок, дворец Луаньюй окажется единственной получившей выгоду стороной.

И теперь возникал вопрос: какой мерзавец пакостит за их спинами, натравливая призрачных марионеток на заклинателей и взваливая такую обузу на их плечи?

Цзинь Сянькэ велел слугам поместья Цуй удалиться и произнёс:

— Второй брат, не стоит так тревожиться. Возможно, это лишь совпадение.

— Позови А-Чжоу, — распорядился Цзинь Цанкэ. — Что бы мы ни ответили чужакам, мы сами должны сначала во всём разобраться.

В этот момент две крошечные птички прижались к колонне главного зала, сидя неподвижно и обнявшись пернатыми телами.

Вскоре с улицы донёсся стройный хор голосов:

— Приветствуем молодого господина!

Штора качнулась, и в зал вошёл молодой человек в золотом одеянии. У него были утончённые черты лица, за поясом торчал золотой веер, а сам он выглядел весьма благовоспитанно. Это был Цзинь Чжоу — старший среди семи молодых господ дворца Луаньюй и двоюродный брат Цзинь Хуна.

— Дядюшки, — обратился Цзинь Чжоу. — Зачем вы вызвали меня с такой спешкой? Что произошло?

— Дело касается поселка Ути, — Цзинь Цанкэ слегка умерил свой вспыльчивый нрав перед единственным сыном старшего брата. — Недавно там неожиданно объявилась призрачная марионетка в красном, и ходят слухи, будто к этому причастен дворец Луаньюй.

— Поселок Ути? — Цзинь Чжоу покачал головой. — Несколько лет назад из-за него весь наш дом лишился покоя, почему же теперь снова поднимается смута?

Стоявший неподалёку Цзинь Хун лишился дара речи от такой наглости. «Несколько лет назад весь дом лишился покоя ровно потому, что ты тайком ото всех возомнил, будто обязан вернуть поселок Ути! — подумал он. — Навлѣк на нас проклятия всего мира заклинателей, а теперь держишься так, словно сам тут ни при чём».

— Не нужно ли мне что-то сделать, дядюшка? — спросил Цзинь Чжоу.

— Сейчас в нашем доме гостят четверо учеников из академии Чанцэ, ожидая объяснений, — ответил Цзинь Сянькэ. — Если дворец Луаньюй действительно ни при чём, мы скажем им, что это лишь досадное недоразумение, и отошлём прочь.

Цзинь Чжоу кивнул:

— Меня это точно не касается. Раз так, я пойду.

Говорил он тихим, мягким голосом и, судя по всему, не горел желанием здесь задерживаться. Поклонившись, он повернулся и вышел.

Глядя ему вслед, Цзинь Сянькэ спросил:

— Всё ещё планируешь расследовать?

— Будем искать концы, но строго за закрытыми дверями дворца Луаньюй, без вмешательства посторонних, — сказал Цзинь Цанкэ. — Позже вы с А-Хуном ответите ученикам из академии Чанцэ, устройте для них пышный обед, а завтра с утра выпроводите.

— Слушаюсь, — отозвался Цзинь Сянькэ.

Поняв, что больше ничего выведать не удастся, Се Жэнь слегка пихнул крылом сидевшего рядом... птенца, желая дать знак лететь обратно. Однако даже этого едва заметного движения хватило, чтобы Цзинь Цанкэ подозрительно вскинул голову. Се Жэнь мысленно обомлел, чувствуя неладное, но Фэн Цяньсюэ остался совершенно спокоен: он прикрыл его голову крылом, полностью заслонив круглые птичьи глаза.

Иллюзия сияющего света бесшумно растворила золотые стены и колонны. У Цзинь Цанкэ слегка помутилось в глазах, и он решил, что просто переутомился в дороге — надо же, даже в глазах рябит.

— Старший брат устал с дороги, — произнёс Цзинь Сянькэ. — Пусть А-Хун проводит тебя отдохнуть.

Се Жэнь затаил дыхание, замерев на месте. Лишь когда в зале воцарилась полная тишина, Фэн Цяньсюэ убрал крыло, попутно слегка хлопнув его по голове, и вылетел наружу.

Се Жэнь поспешил следом. Две духовные проекции одна за другой вернулись в тела, находившиеся в комнате. Всё это время дежурившие Ли Хуань и Мо Чи наконец облегчённо вздохнули и разом спросили:

— Ну как?

Фэн Цяньсюэ поднялся и налил себе чаю:

— Нам не хватает мастерства, едва не попались.

Се Жэнь упрямо возразил:

— Он же ничего не заметил!

Фэн Цяньсюэ нахмурился:

— Избавься от вспыльчивости и больше тренируйся.

— Почему ты говоришь точь-в-точь как мой учитель? — покорёжился Се Жэнь. — Ладно, ладно, буду тренироваться.

Пока они разговаривали, Цзинь Сянькэ прислал служанку передать, что вечером на террасе Сяньяо состоится пир.

— Что ж, похоже, нас собираются выпроводить, — подытожил Ли Хуань.

Се Жэнь пересказал всё подслушанное в зале и добавил:

— Слуги из поместья Цуй утверждает, будто призрачная марионетка в красном выбежала сама по себе. Но мне это кажется странным: я изрядно её потрепал, она пряталась по всем пещерам подряд и ни за что не стала бы сама лезть в ловушку.

— За ней кто-то гнался, — замешкавшись, произнёс Фэн Цяньсюэ.

— Или её намеренно подстроили так, чтобы слуги из поместья Цуй заметили её, — Се Жэнь почувствовал сухость в горле, поэтому естественным движением выхватил из рук Фэн Цяньсюэ чашку и залпом допил остатки. — Как думаете, кто за этим стоит?

Фэн Цяньсюэ невозмутимо напомнил:

— Это была моя чашка.

Се Жэнь: «...»

Чашка из белого нефрита — пухленькая, округлая, изящная и полупрозрачная — явно не входила в один комплект с золотым чайником, стоявшим на столе.

Се Жэнь с виноватым видом вернул её обоими руками:

— Держи.

Фэн Цяньсюэ достал из мешочка цянькунь другую:

— Не нужно. Забирай себе.

Се Жэнь перевёл взгляд на остальных двоих: «Он что, брезгует мной?»

Ли Хуань и Мо Чи дружно кивнули.

«Именно так».

Цзинь Чжоу вернулся к себе. Ещё не переступив порог, он ледяным тоном спросил:

— Твоих рук дело?

В зале, опираясь на клюку, стояла старуха лет семидесяти-восемидесяти и дрожаще смотрела на него. У Цзинь Чжоу не было настроения играть в эти глупые игры: взмахом золотого веера он запустил острейшее лезвие духовной энергии, которое разнесло иллюзию вдребезги. Она

распалась на порхающих бабочек, вылетевших из зала.

Старуха исчезла, а в кресле остался сидеть бледный молодой человек. На его пальце всё ещё сидела бабочка. Он с укором покачал головой:

— Брат Цзинь сегодня невероятно вспыльчив. Знай я заранее, обернулся бы юной красавицей, чтобы порадовать тебя.

— Оставь свои иллюзии! — Цзинь Чжоу встал напротив него. — Вэй Куннянь, я спрашиваю ещё раз: история с призрачной марионеткой в красном в поселке Ути — твоих рук дело?

— Что опять стряслось с поселком Ути? — на лбу молодого человека залегла недоуменная складка, и он привычным движением раздавил бабочку в пыль. — Я же говорил, это проклятое место приносит лишь несчастья, но брат Цзинь не верил. Несколько лет назад подняли такой шум, будто нам и вправду так дорога эта капля духовной энергии. А теперь здорово: чуть что случится с этой марионеткой, виноват снова дворец Луаньюй.

Цзинь Чжоу не желал с ним спорить. Взмахнув рукавами, он направился к выходу, бросив напоследок:

— Люди из академии Чанцэ уже пришли к нам. Если это действительно ты, иди и сам убирай за собой этот развал!

Наступила ночь. Небосвод усыпали мерцающие звёзды.

Терраса Сяньяо возвышалась на сотню чи. Светло-золотой флёр нежно колыбался на ветру, по обоим бокам пышно цвели сады, а лучи света переплетались в облачную лестницу, уходящую в самую глубь небес. Разумеется, подняться по ней было нельзя — это была лишь иллюзия для создания поэтической атмосферы, напоминающей о касании облаков и луны с нефрита.

Поскольку гостями выступали представители младшего поколения, Цзинь Цанкэ и Цзинь Сянькэ не появились. Главное место занимал Цзинь Хун. Но какой там обед — от одного взгляда на эту четвёрку у него начинал болеть желудок и закипала злость, так что он даже избавил себя от пустых любезностей.

Цуй Ванчао тоже был здесь. Пересекшись взглядом с Фэн Цяньсюэ, он тут же поспешно отвёл глаза.

Фэн Цяньсюэ искренне поинтересовался:

— Почему он прячется? Боится, что я его побью?

Се Жэнь усмехнулся:

— Или боится, что ты его окликнешь.

— Не собираюсь я его окликать, — Фэн Цяньсюэ сидел за столом. — Что это за чай?

— «Нефритовый гибискус», — Се Жэнь бывал на пирах во дворце Луаньюй каждый год, поэтому принялся перечислять: — «Зелёные горы в тумане», «Трудновыразимая тоска», «Весна удерживает красоту», «Ивы над зелёной рекой».

Названия звучали туманно и поэтично, но чай оказался неплохим. Все четверо по

молчаливому согласию игнорировали сидевшего во главе стола Цзинь Хуна, а тот точно так же не желал обращать на них внимания. В результате среди гостей установилась странная гармония. Фэн Цяньсюэ вспомнил, как перед отбытием из бессмертной обители Циньай второй старший брат не раз наказывал ему «проявлять заботу о молодом господине из поместья Се». Заметив, что пиала с сладким супом перед Се Жэнем опустела, он хотел попросить принести ещё, но служанок поблизости не оказалось. Тогда он громко позвал:

— Цуй Ланчао!

Цуй Ванчао поперхнулся и выплюнул весь глоток вина.

Фэн Цяньсюэ произнёс:

— Принеси ещё одну пиалу сладкого супа.

Цуй Ванчао взбесился:

— С какого перепугу ты просишь сладкий суп у меня?!

<http://bllate.org/book/18374/1766276>